

Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне

П. И. Шульга¹, Д. П. Шульга², К. А. Хаснулина³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН*

² *Сибирский институт управления РАНХиГС*

³ *Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств
Новосибирск, Россия*

Аннотация

В статье рассматриваются материалы могильника Мохучахань IX–VIII (VII) вв. до н. э., расположенного в уезде Хэцзин (Южное Притяньшанье). В 2011–2012 гг. на могильнике исследовано 236 погребений культуры Чауху, в том числе самые ранние из известных в этой культуре, датируемых китайскими и российскими исследователями в рамках X–VIII вв. до н. э. В настоящее время ранняя группа захоронений в Мохучахань является единственным представительным комплексом IX в до н. э. в восточной части скифского мира, существенно дополняющим материалы Аржана-1. В ходе сравнительного анализа отмечено сходство погребального обряда ранних погребений в Мохучахань с захоронениями в кольцах из могильника Курту-2. Можно полагать, что схема погребального обряда бийкенской культуры могла сформироваться в Притяньшанье. Особое значение имеет и обнаружение в Курту-2 и в Мохучахань псалиев аржанского типа. Это хронологический маркер и показатель вовлеченности Притяньшанья в культурную общность преимущественно европеоидного населения Казахстана и Южной Сибири, существовавшую не только в VIII–VII вв. до н. э., но и в IX в. до н. э. – во время становления скифской культуры.

Ключевые слова

Синьцзян, Китай, Мохучахань, Чауху, раннескифское время

Для цитирования

Шульга П. И., Шульга Д. П., Хаснулина К. А. Мохучахань: могильник раннескифского времени в Синьцзяне // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 4: Востоковедение. С. 19–29. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-19-29

Mohuchahan: Early Scythian Age Burial Ground in Xinjiang

P. I. Shulga¹, D. P. Shulga², K. A. Hasnulina³

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

² *Siberian Institute of Management – the Branch of RANEPА*

³ *Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article considers the materials of the Mohuchahan burial ground of IX–VIII (VII) centuries BC located to the south-west of Urumqi in Hejing county in the South Tien Shan region. In 2011 and 2012 236 graves of Chawuhu culture were excavated at this burial ground. The earliest Mohuchahan burials are dated back to the X–IX centuries BC by Chinese and Russian researchers. In the Mohuchahan cemetery we can observe a fairly dense location of a large number of graves surrounded by fences, stone grave chambers with passages at the ends, the deceased positioned with bent legs and the head pointing northwest. Inventory analysis also confirms these specifics of groups. Nowadays it is the only representative complex in the eastern part of the Scythian world essentially supplementing the materials of Arzhan-1 and giving a new insight into the early Scythian culture formation processes. During analysis the similarity between early Mohuchahan burials' funeral rites and graves inside stone rings from Kurtu-2 burial ground in the Mountain Altai (Eastern Kazakhstan) was noted. The Mohuchahan materials permit to conclude with a high degree of certainty that the Early Scythian time Biikenskaya culture funeral rite scheme could have formed in the Tian Shan re-

gion. The specific Arzhan-type cheek-pieces discovery in Kurtu-2 and Mohuchahan is of particular importance. This is not only a chronological marker but also an indicator of the Tian Shan region's involvement in the predominantly European populated cultural community of Kazakhstan and Southern Siberia which existed not only in VIII–VII centuries BC but also in the IX century during the time of Scythian culture formation.

Keywords

Xinjiang, China, Mohuchahan, Chawuhu, early Scythian age

For citation

Shulga P. I., Shulga D. P., Hasnulina K. A. Mohuchahan: Early Scythian Age Burial Ground in Xinjiang. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 4: Oriental Studies, p. 19–29. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-4-19-29

Могильник Мохучахань располагался в южных предгорьях Тянь-Шаня, к юго-западу от г. Урумчи, примерно в 55 км к северо-западу от уездного города Хэцзин, на террасе восточного берега реки Мохучахань-Усунь. Некрополь делится на две части (северо-западную и юго-восточную) оврагом, образованным сезонным водным потоком. В 2011 и 2012 гг. силами Института археологии и культурного наследия Синьцзяна здесь были проведены спасательные работы, в результате которых обнаружено и исследовано 248 погребений: в юго-восточной части (сектор 1) – 170 погребений, и 78 – в северо-западной (сектор 2). Почти все они (235) относятся к раннему этапу скифской культуры IX–VIII (VII) вв. до н. э., за исключением 13 погребений эпох Хань и Цзинь.

Указанные 236 погребений в обоих секторах могут быть отнесены к культуре Чауху, наиболее полно изученной в Синьцзяне [Чжан Цюаньчао и др., 2005; Хань Цзянье, 2007; Шао Хуйцю, 2008; Хань Цзянье, 2017; Шао Хуйцю, 2013] и сравнительно хорошо известной в России [Худяков, Комиссаров, 2002; Шульга, 2010; Комиссаров, 2011], хотя и имеют определенные отличия от других подобных могильников. Наиболее полно особенности погребального обряда, а также инвентаря культуры Чауху удалось проследить в местности Чаухугоу, прежде всего, на полностью исследованном могильнике Чаухугоу-4 (вскрыто 248 могил) и могильнике Чаухугоу-1 (вскрыто 234 могилы), находящихся всего в 48 км к востоку от Мохучахань [Синьцзян чауху., 1999; Шульга, 2010]. Отличительная особенность планировки могильников культуры Чауху – большое количество захоронений (до 700), устраивавшихся на очень близком расстоянии друг от друга последовательно в каком-либо направлении, в основном, северном. Благодаря установленной последовательности захоронений там удалось впервые для Синьцзяна понять особенности эволюции погребальных сооружений, погребальной обрядности и инвентаря в течение трех-четырех столетий (VIII–V вв. до н. э.).

Захоронения в Чаухугоу-4, как правило, совершались в оградах из крупных галек, уложенных в один ряд. На первом этапе самые ранние ограды в южной части могильника в плане сооружались в виде овала или окружности. Но вскоре они приобрели основную подтреугольную (стремечковидную) форму с выгнутыми сторонами (рис. 1, 3). В конце этапа I на вершинах оград-«треугольников» начали устраивать небольшие ямки с жертвенными захоронениями шкур лошадей с черепами и костями ног (рис. 1, 3). Конское снаряжение (только удила и псаии от уздечек) помещалось не в этих жертвенниках, а с человеком в могиле. Умершие захоранивались в сложенных из камня погребальных камерах, установленных в овальных могилах глубиной около 1,5–2 м. Большинство камер имели в одном или двух торцах своеобразные проходы. На первом этапе оставлялось по два таких прохода. Ограды и умершие в Чаухугоу-4 ориентировались на северо-запад или в меридиональном направлении (рис. 1, 3). Умершие погребались на дне ямы в один слой по 1–3 человека. Их размещали на спине с подогнутыми ногами головой к вершине «треугольника» с керамическими сосудами в головах и немногочисленным инвентарем по сторонам тела (рис. 1, 3).

На более поздних (втором и третьем) этапах в северной части могильника Чаухугоу-4 ограды вновь приобретают форму эллипса, затем становятся округлыми. Над самыми позд-

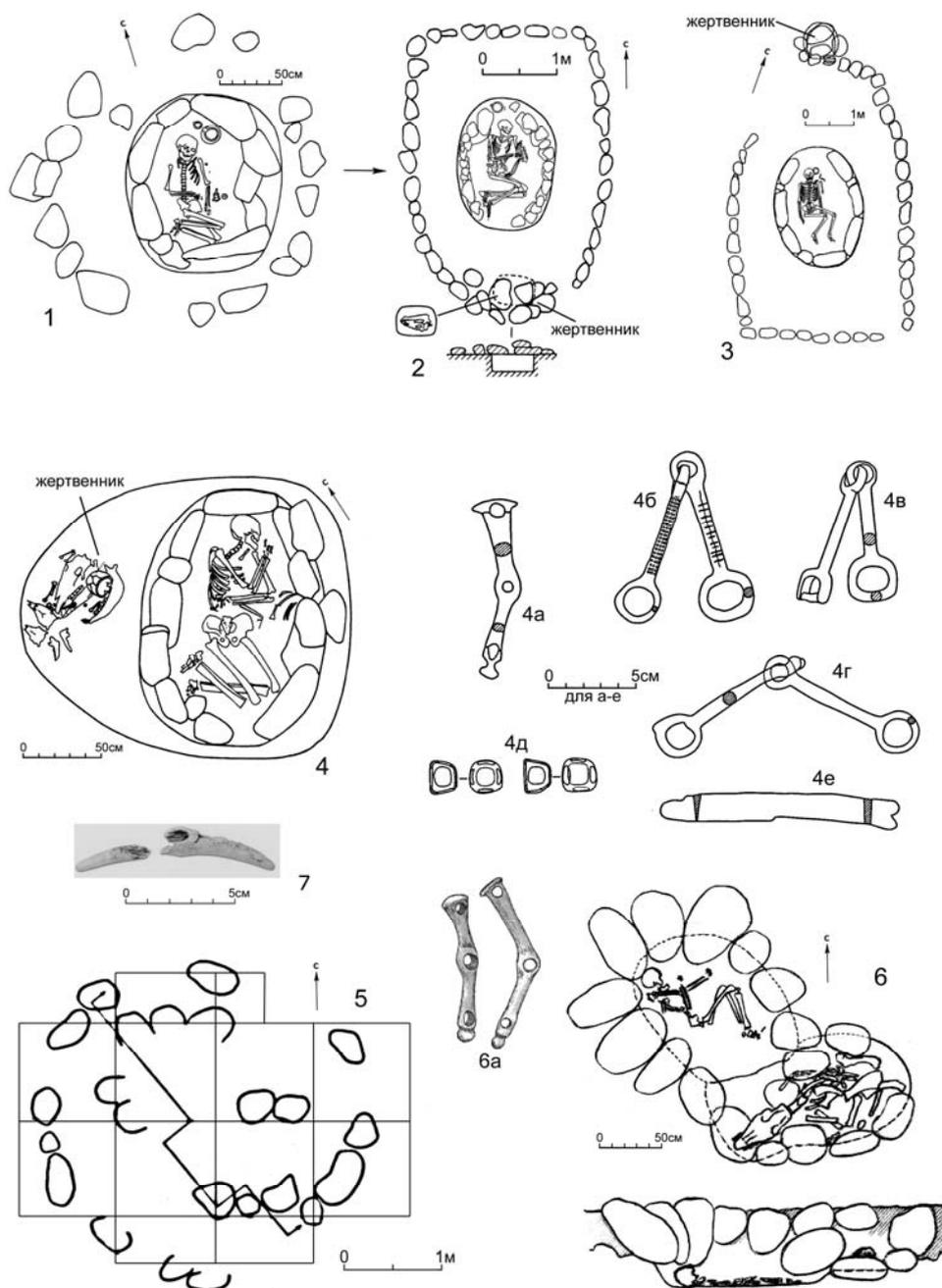

Рис. 1. Материалы могильников Мохучахань (сектор 1) (1, 2, 4), Чаухугоу-4 (3) и Курту-2 (5, 6):

1 – план могилы M12 с оградкой (сектор 1); 2 – план могилы M2 с оградкой и жертвенником (сектор 2); 3 – план могилы с оградкой и жертвенником; 4 – план могилы M54 с жертвенником; 4a–4e – бронзовые детали сбруи и нож из M54; 5 – план кольца 3; 6 – план и разрез погребения человека и лошади в кольце 3; 6a – роговые псалии аржанского типа из кольца 3; 7 – фрагменты рогового псалия из могилы M32 (1, 2, 4, 4a–4e, 7 – по: [Чжан Тенань и др., 2016, рис. 21, 77, 78, 252, табл. 24, 3]; 3 – по: [Синьцзян чауху..., 1999, рис. 27]; 5, 6, 6a – по: [Сорокин, 1966, рис. 3, 5])

Fig. 1. Materials of Mohuchahan burial ground (section 1) (1, 2, 4), Chawuhugou-4 (3) and Kurtu-2 (5, 6):

1 – ground plan of tomb-M12 with fence (section 1); 2 – ground plan of tomb-M2 with fence and sacrifice (section 2); 3 – ground plan with fence and sacrifice; 4 – ground plan of tomb M54 with sacrifice; 4a–4e – bronze harness and knife parts from M54; 5 – plan of ring 3; 6 – plan and section of the burial of man and horse in the ring 3; 6a – arzhan type horn psalium from a ring 3; 7 – fragments of horn psalium from tomb-M32 (1, 2, 4, 4a–4e, 7 – by: [Zhang Tienan et al., 2016, fig. 21, 77, 78, 252, tab. 24, 3]; 3 – by: [Xinjiang chawuhu..., 1999, fig. 27]; 5, 6, 6a – by: [Sorokin, 1966, fig. 3, 5])

ними могилами в рамках оградок появляются невысокие насыпи. Количество умерших в могилах увеличивается до 9–21 человек, укладываемых последовательно слоями. Проходы в камерах постепенно исчезают, но появляются дромосы для подхоронений. Увеличивается доля оград с подхоронениями жертвенных лошадей, чаще встречаются детали сбруи (в том числе застёжки седельных ремней), поясная фурнитура, оружие (наконечники стрел) и оселки. Там же, в финальных погребениях типа АІ (этап 1), найдено и три зеркала.

Материалы из Мохучахань имеют с могильниками в Чаухугоу много общего, но есть и существенные отличия. В значительной мере эти отличия объясняются более ранней датой его функционирования, а также культурной спецификой местных обитателей. В этом отношении могильник Мохучахань выглядит в культуре Чауху несколько обособленно, как и курган Аржан-1 в Туве, также хронологически предшествовавший другим исследованным там раннескифским комплексам.

В могильнике Мохучахань мы также видим довольно плотное расположение большого количества захоронений в оградах, находившихся в непосредственной близости друг от друга. Формирование могильника происходило, вероятно, не столь упорядоченно, как в Чаухугоу-1 и 4, но очевидно, что захоронения производились в целом также последовательно в северном направлении. Показательно, что в южной группе (сектор 1 – 170 погребений культуры Чауху) находились самые ранние погребения, а в северной – самые поздние (сектор 2 – 65 погребений культуры Чауху). На ранних этапах большинство оградок устраивались по периметру могильных ям, а потому они имели овальную или округлую форму и небольшие размеры (рис. 1, 1), как и самые ранние в Чаухугоу-4. В средней части сектора 2 появляются могилы с довольно большими оградами в форме стремени, и по направлению к северу доля их увеличивается (рис. 1, 2). В отличие от Чаухугоу-4, вершины оград обращены не в северную, а в южную сторону. Вполне вероятно, что эта обратная (по отношению к умершему) ориентация оград явление осознанное, отражающее этническую специфику населения в Мохучахань (ср. рис. 1, 2 и 1, 3). В позднем северном секторе 2 почти все могилы сопровождалась обращенными на юг стремечковидными оградами (рис. 1, 2). У некоторых из них имелись жертвенные (?) выкладки, в том числе с черепами лошади. Могильные ямы в Мохучахань неглубокие – от 30–50 см до 100–150 см. Сложенные из камня погребальные камеры, как правило, также имеют в торцах проходы (рис. 1, 2). На начальном этапе в секторе 1, преимущественно, устраивался один проход с северной стороны, или его совсем не было (рис. 1, 1). Затем стали преобладать камеры с двумя проходами, но сохранялись и с одним проходом. Ноги умерших подогнуты. Тела укладывали чаще не на спину (как в Чаухугоу), а на левый или правый бок (рис. 1, 1, 2, 4). Инвентарь размещался подобным образом, в частности, керамика обычно ставилась с севера в проходе (рис. 1, 1, 2). В большинстве случаев на всех участках погребался один человек (192 могилы). 26 погребений были парными. Второго умершего, как правило, подхоранивали по прошествии нескольких лет, сдвигая в сторону кости погребенного ранее. Сдвинутые кости фиксируются в разрозненном состоянии, что указывает на полное разложение плоти и связок к моменту подхоронения второго умершего. Чаще всего в парных погребениях находились костяки однополюх умерших: мужчин (12 могил), реже – женщин (3 могилы). В восьми могилах были погребены мужчина с женщиной, при этом почти всегда подхоранивалась женщина. Все парные погребения довольно равномерно распределены по могильнику. Групповые погребения (3–4 человека) зафиксированы в пяти могилах, из которых две находились по краям групп и могли быть пристроены позже, а три устроены на окраине позднего сектора 1. Это соответствует отмеченной в Чаухугоу тенденции постепенного увеличения количества подхораниваемых в одной погребальной камере. На могильнике также зафиксировано шесть кенотафов.

Судя по планиграфии могил и инвентарю, погребения раннескифского времени в юго-восточной части могильника Мохучахань (сектор 1) совершались значительно раньше, чем в северо-западной. Однако погребальная обрядность везде почти одинаковая. Существенные различия наблюдаются только в форме постепенно изменявшихся оград и жертвенников. В самой ранней группе могил № 1 в юго-восточном секторе 1 сохранившиеся ограды имели

овальную или округлую форму (рис. 1, 1), а жертвенники с черепами лошадей устраивались в сравнительно больших ямах, или на уступе рядом с умершим (рис. 1, 4). В остальных группах № 2 и № 3 сектора 1 ограды уже приобретают такую же стремечковидную форму, как и в позднем северном секторе 2 (рис. 1, 2), но без жертвенников на вершинах. Таким образом, на могильнике прослеживается эволюция оград: 1) овальные и округлые (рис. 1, 1); 2) стремечковидные без жертвенников; 3) стремечковидные с жертвенниками (рис. 1, 2). Данное наблюдение показывает, что захоронения в южном секторе 1 не однородны, поэтому на могильнике Мохучахань необходимо выделять не две, а по меньшей мере четыре группы памятников. Анализ инвентаря также подтверждает специфику этих групп.

Могильник Мохучахань выделяется среди других памятников культуры Чауху значительным количеством инвентаря. Самую большую группу составляют лепные керамические сосуды (177 экз.), найденные в большинстве могил. Керамический комплекс существенно отличается от известного в Чаухугоу. В частности, совсем нет характерных для Чаухугоу кружек со сливом и котлов со сливом (рис. 2, С). Окрашенные сосуды представлены лишь тремя экземплярами, при этом криволинейный орнамент имеется лишь на одном сосуде из сектора 2 (М34). Исходя из большого количества расписной керамики на прилегающей территории в памятниках нескольких культур VIII–VI вв. до н. э., логично предположить, что могильник Мохучахань функционировал до широкого распространения данной традиции.

На могильнике найдено значительное количество бронзовых изделий (258 экз.), в том числе: 87 ножей; копье; кинжал; 9 наконечников стрел; 3 палия; 6 удила; 8 распределителей; 11 зеркал с петелькой на обороте; около 40 бляшек; большое количество украшений, в том числе пронизок и своеобразных женских наборов, состоящих из крупных «заколок», планок с жемчужным орнаментом и крестовых бляшек, а также другие изделия. Получено также значительное количество предметов из рога (кости). Основная часть инвентаря происходит из раннего сектора 1, предварительно датируемого в рамках IX в. до н. э. Если эта дата верна, то сектор 1 в Мохучахань можно считать самым ранним и наиболее представительным погребальным комплексом ранних кочевников на востоке Евразии. Соответственно, любое обнаруженное там изделие представляет особый интерес уже в силу его относительной древности по сравнению с другими раннескифскими могильниками. Далее мы кратко остановимся на характеристике инвентаря из сектора 1.

В трех погребениях впервые за пределами Южной Сибири обнаружены фрагмент рогового палия и три бронзовых палия редкого аржанского типа (рис. 1, 4а) с бронзовыми удилами (рис. 1, 4б, 4в, 4г), соотносимых с самыми ранними уздечками кочевников. Из сектора 1 происходит наиболее крупная в Синьцзяне полностью опубликованная серия из 63 бронзовых ножей, которые могут быть подразделены на выгнутообушковые (рис. 2, А1–9), вогнутообушковые (рис. 2, А25–31), прямые и с отогнутым вверх концом лезвия (рис. 2, А10–24). В целом они существенно отличаются от ножей из Чаухугоу-1, 4, что в значительной степени обусловлено их большей древностью. Предварительно можно выделить следующие особенности указанных ножей от коллекции из Чаухугоу: 1) почти у всех ножей из Мохучахань выделена рукоять; 2) редко встречаются кольчатые навершия (всего четыре случая) (рис. 2, А28, 31); 3) значительная доля ножей с отогнутым вверх концом лезвия (в Чаухугоу отсутствуют) (рис. 2, А17–24); наличие двух ножей (дуговидного и с «аркой на кронштейне»), имеющих аналогии эпохи поздней бронзы и переходного времени в Казахстане, Южной Сибири и Монголии (в Чаухугоу ножи таких типов отсутствуют) (рис. 2, А8, 15).

Особый интерес представляют найденные в секторе 1 при женских костях 10 зеркал, а также украшения: 1) многочисленные бронзовые бляшки с петелькой на обороте (рис. 3, 13, 14) и разнообразные бронзовые бусы-пронизки (рис. 3, 15–19); 2) немногочисленные, но очень характерные и необычные наборы из крестовых нашивных бляшек (рис. 3, 20), планок, украшенных полушарными выступами-«жемчужинами» (рис. 3, 21) и «заколок» неясного назначения длиной от 26 до 39 см (рис. 3, 22–26), помещавшихся перед грудью умерших. Подобные наборы встречены впервые, но отдельные единичные детали в Синьцзяне известны.

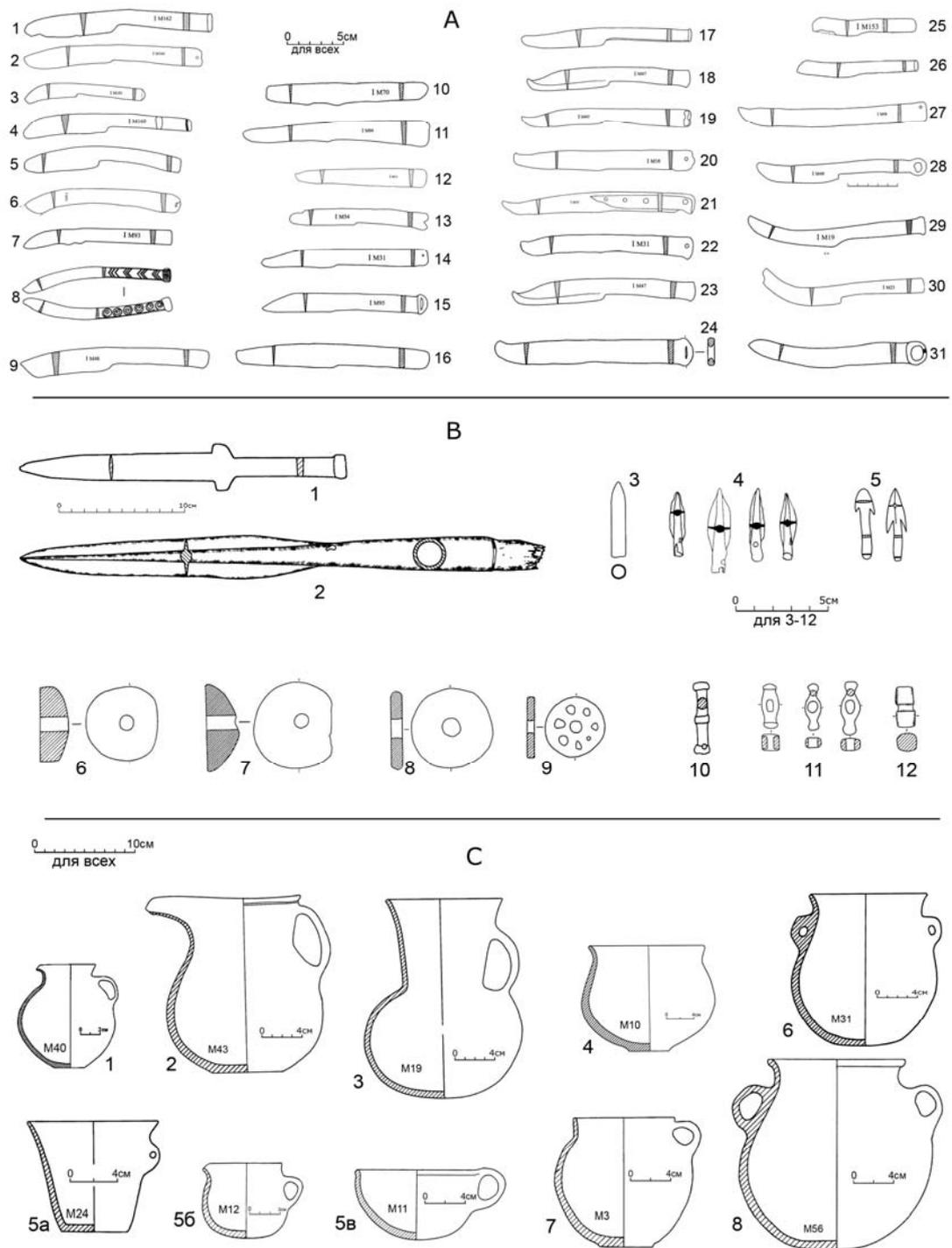

Рис. 2. Могильник Мохучахань, сектор 1. Инвентарь:

A – ножи; *B* – оружие (1–5), пряслица (6–9) и застёжки (10–12); *C* – основные формы керамических сосудов. Бронза – *A1–A31*, *B1*, *B2*, *B4*, *B5*, *B9–B11*; кость (рог) – *B3*, *B6–B8*, *B12*, керамика – *C1–C8*. Все изображения по: [Чжан Тенань и др., 2016, рис. 364]

Fig. 2. Mohuchahan burial ground, section 1. Inventory:

A – knives; *B* – arms inventory (1–5), distaff (6–9) and clips (10–12); *C* – basic forms of ceramic vessels. Bronze – *A1–A31*, *B1*, *B2*, *B4*, *B5*, *B9–B11*; bone (horn) – *B3*, *B6–B8*, *B12*, ceramics – *C1–C8*. All images by: [Zhang Tienan et al., 2016, fig. 364]

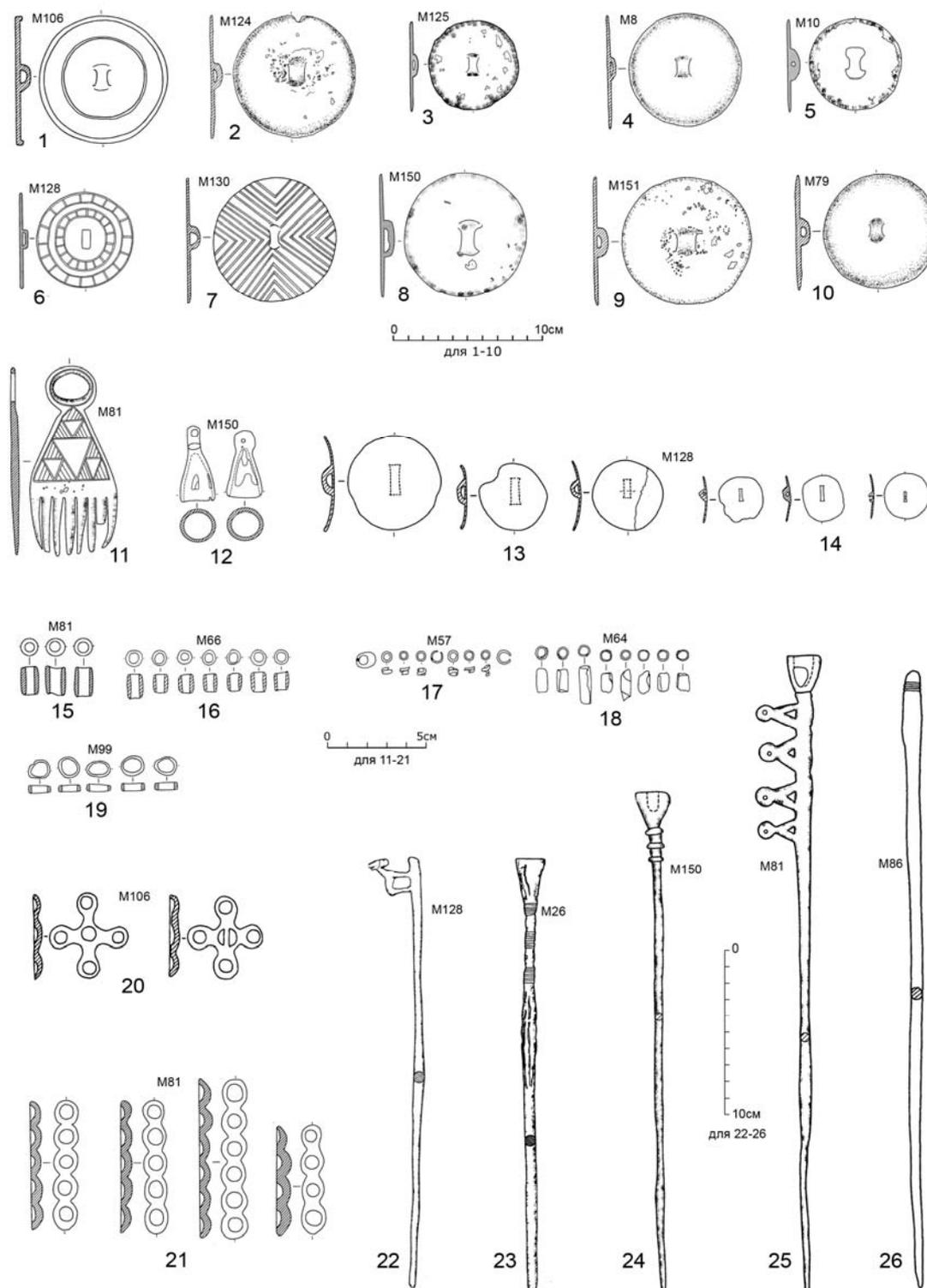

Рис. 3. Могильник Мохучахань, сектор 1. Инвентарь из бронзы:

1–10 – зеркала; 11 – гребень; 12 – колоколовидные подвески; 13, 14 – бляшки; 15–19 – бусы-пронизки; 20 – крестовые бляшки; 21 – планки с жемчужным орнаментом; 22–26 – «заколки». Все изображения по: [Чжан Тенань и др., 2016, С. 11–214]

Fig. 3. Mochuchahan burial ground, section 1. Bronze equipment:

1–10 – mirrors; 11 – comb; 12 – bell-shaped pendant; 13, 14 – metal plate; 15–19 – threading beads; 20 – cross-tip metal plate; 21 – pearl-ornament strips; 22–26 – «clips». All images by: [Zhang Tienan et al., 2016, p. 11–214]

В настоящее время погребения в секторе 1 являются единственным столь ранним представительным комплексом в восточной части скифского мира, существенно дополняющим материалы Аржана-1, позволяющим по-новому взглянуть на процессы формирования ранне-скифской культуры. Большая часть образцов из погребений по С14 датируется около 1000 г. до н. э. [Чжан Тенань и др., 2016. С. 317], но более вероятно, что могильник функционировал в IX–VIII(VII) вв. до н. э. Китайские исследователи обоснованно полагают, что захоронения X(?)–IX вв. до н. э. в юго-восточном секторе 1 Мохучахань наиболее ранние в культуре Чауху. Совершенные позже захоронения в северо-западном секторе 2 синхронизируются ими с ранними могилами из могильников в Чаухугоу VIII в. до н. э. [Там же. С. 318, 321]. Судя по приведенной таблице, радиоуглеродные датировки захоронений в Мохучахань по дереву и костям ложатся в X–IX вв. до н. э. [Там же. С. 352–353], но явной разницы во времени между секторами по ним не видно. Очевидно, это следствие слишком широких допусков и несовершенства метода. Так или иначе, но столь ранняя дата подтверждается наличием в трех могилах четырех псалиев аржанского типа, встречающихся в Южной Сибири на памятниках IX–VIII вв. до н. э. (рис. 1, 4а). Верхний диапазон дат из погребений Мохучахань по С14, в целом, был принят К. В. Чугуновым, предположившим, что группа погребений в Мохучахань с указанными псалиями может быть более ранней, чем Аржан-1, т. е. относится к IX в. до н. э. [Чугунов, 2018. С. 274]. На более раннюю дату, по мнению автора, указывает и отсутствие там звериного стиля [Чугунов, 2017. С. 492]. Однако необходимо отметить, что в соседствующей с северо-востока культуре Субэйси на раннем этапе могильника Янхай-2 практически весь замечательный звериный стиль представлен изображениями только на сохранившихся деревянных ведрах и блюдах [Шульга, 2010, рис. 39, 41, 43, 45, 46, 49]. Если бы в Янхэе-2 изделия из дерева не сохранились (как в Мохучахань), то и там бы звериный стиль фактически отсутствовал.

Следует обратить внимание на наличие в инвентаре сектора 1 «поздних» изделий. Так, в могиле М54 (рис. 1, 4) вместе с псалием аржанского типа были найдены бронзовые уздечные распределители с цельным верхним щитком (рис. 1, 4д). Аналогии им известны в значительном количестве в памятниках VII в. до н. э. Казахстана и Южной Сибири. В Аржане-1 и в других комплексах с подобными псалиями какие-либо распределители отсутствуют. Между тем, на юге Восточной Европы эти детали бытовали в IX–VIII вв. до н. э. [Махортых, 2017. С. 173]. Обнаружение в Мохучахань распределителей «классической» формы с псалиями аржанского типа пока не находит обоснованного объяснения. Довольно поздними выглядят фрагмент рогового псалия из могилы М32 (сектор 1) с окончанием, похожим на клювовидное (рис. 1, 7) [Чжан Тенань и др., 2016. Табл. 24, 3], а также бронзовое пряслице («колесико-амулет») в М12 (рис. 2, В9). Все известные к настоящему времени документированные подобные пряслица происходят из более поздних комплексов.

В завершение краткого обзора обратим внимание на уже отмечавшееся (Чугунов, 2017. С. 494) сходство погребального обряда в секторе 1 в Мохучахань с обрядом в кольцах могильника Курту-2 в Горном Алтае (Восточный Казахстан) [Сорокин, 1966. С. 43–45]. Исследованные в Курту-2 пять объектов представляли собой ограды диаметром до 4 м, в рамках которых располагались овальные могильные ямы глубиной 0,5–0,6 м. Стенки их обкладывались крупными гальками. На дне двух могил зафиксированы костяки умерших, уложенных на левый бок с подогнутыми ногами, головой в северо-западный сектор (рис. 1, 5, б). Инвентарь отсутствовал. В кольце 3 имелось обложенное гальками подхоронение лошади, примыкавшее к могиле человека с юго-востока (рис. 1, б). У морды лошади находились характерные псалии аржанского типа (рис. 1, ба). В последние десятилетия захоронение в кольце 3 считается самым ранним погребением бийкенской культуры Горного Алтая. Действительно, в более поздних бийкенских захоронениях прослеживаются все основные черты погребальной обрядности, зафиксированные в кольце 3 из Курту-2: наличие внешнего кольца; захоронение умершего в мелкой яме или у поверхности в каменной конструкции; положение человека на боку с подогнутыми ногами, головой в северо-западный сектор; наличие примыкающего с юго-востока подхоронения туши лошади или черепа со шкурой. Относи-

тельно истоков этого обряда и собственно бийкенской культуры существует ряд предположений общего порядка [Тишкин, 2011. С. 288]. В частности, в свое время А. А. Тишкин обратил внимание на тогда еще почти не изученные прилегающие к Горному Алтаю районы Монголии и Синьцзяна, откуда могли прийти племена скотоводов, заложивших основу культуры [Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 111; Тишкин, 2011. С. 288]. Вероятность подобной миграции в ряде работ обосновывал А. Д. Таиров [Таиров, 2017. С. 40–56]. Материалы Мохучахань позволяют с большой долей уверенности полагать, что схема погребального обряда бийкенской культуры могла сформироваться в X–IX вв. до н. э. в Притяньшанье. Она характеризуется следующими основными чертами: наличие округлой (овальной) оградой из камней в один ряд без насыпи; мелкая овальная в плане могила с выложенной из галек погребальной камерой; положение умершего на боку с подогнутыми ногами, головой в северный сектор; различные варианты подхоронения черепов (со шкурами?) лошади и уздечкой, в том числе с юго-востока от могилы человека. Особое значение имеет наличие в Курту-2 и в Мохучахань специфических псалиев аржанского типа. Это не только важный хронологический маркер, но и показатель вовлеченности Притяньшанья в культурную общность преимущественно европеоидного населения Казахстана и Южной Сибири, существовавшую не только в VIII–VII до н. э., но и в IX в. до н. э. – во время становления скифской культуры.

Список литературы / References

- Комиссаров С. А.** Культура Чауху – центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симп. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 121–129.
Komissarov S. A. Kul'tura Chauhu – tsentral'naia kul'tura skifskoi epokhi na territorii Sin'tszyana (KNR) [Chawuhu culture – the central culture of Scythian age in Xinjiang area]. «Terra Scythica»: Mat-ly mezhduнар. simpoziuma ["Terra Scythica": Proceedings of the intl. symposium], Novosibirsk, IAET SB RAS Press, 2011, p. 121–129. (in Russ.)
- Махортых С. В.** Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII–VI вв. до н. э. // Археологія і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2: Старожитності раннього залізного віку. С. 166–184.
Makhortykh S. V. Pronizi dlia perekrestnykh remnei konskoi upriazhi na iuge Vostochnoi Evropy v VII–VI vv. do n. e. [Tubural beads for crossing belts of Eastern Europe horse harness in VII–VI centuries BC]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraini* [Archaeology and the ancient history of Ukraine], 2017, Issue 2: Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [The antiquities of the early Iron Age], p. 166–184. (in Russ.)
- Сорокин С. С.** Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.; М.: Сов. художник, 1966. Вып. 8. С. 39–60.
Sorokin S. S. Pamyatniki rannikh kochevnikov v verkhov'yakh Bukhtarmy [Monuments of early nomads in the upper Buhtarma]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The State Hermitage Museum archaeological papers], 1966, issue 8, p. 39–60. (in Russ.)
- Таиров А. Д.** Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана: Казахский научно-исследовательский ин-т культуры, 2017. 392 с.
Tairov A. D. Rannie kochevniki Zhaiyk-Irtyshskogo mezhdurech'ya v VIII–VI vv. do n. e. [Early nomads of Zhaiyk-Irtysh interflaves in the VIII–VI centuries BC], Astana, Kazakh Scientific Research Institute of Culture, 2017, 392 p. (in Russ.)
- Тишкин А. А.** Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симп. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.
Tishkin A. A. Biikenskaya kul'tura Altaya arzhano-maiemirskogo vremeni: sodержanie i opyt periodizatsii [Altai Biike culture at Arzano-Mayemir time: content and experience of periodization]. «Terra Scythica»: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma ["Terra Scythica": Proceedings of the intl. symposium]. Novosibirsk, IAET SB RAS Press, 2011, p. 272–290. (in Russ.)
- Худяков Ю. С., Комиссаров С. А.** Кочевые цивилизации Восточного Туркестана: Учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2002. 156 с.
Khudiakov Yu. S., Komissatov S. A. Kochevye tsivilizatsii Vostochnogo Turkeстана: Uchebnoe posobie [Nomadic Civilizations of Eastern Turkestan: Teaching Medium], Novosibirsk: NSU, 2002, 156 p. (in Russ.)

- Чугунов К. В.** Проблемы датирования азиатских материалов эпохи ранних кочевников и вопросы их синхронизации с древностями Восточной Европы // Археология і давня історія України. Київ, 2017. Вип. 2: Старожитності раннього залізного віку. С. 484–499.
- Chugunov K. V.** Problemy datirovaniia aziatskikh materialov epokhi rannikh kochevnikov i voprosy ikh sinkhronizatsii s drevnostiami Vostochnoi Evropy [The problems of Asian materials dating from the early nomads era and problem of their synchronization with the antiquities of Eastern Europe]. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni*. [Archaeology and the ancient history of Ukraine], 2017, Issue 2: Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [The antiquities of the early Iron Age], p. 484–499. (in Russ.)
- Чугунов К. В.** Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье: XXX Крупновские чтения. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2018. С. 272–275.
- Chugunov K. V.** Transkontinental'nye sviazi Evropy i Azii v predskifskoe vremia: starye problemy i novye dannye [Transcontinental links of Europe and Asia in pre-Scythian times: old problems and new data]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazei Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: XXX Krupnovskie chteniia* [The Caucasus in the system of cultural links of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages: XXX Proceedings in honour of Krupnov]. Karachaevsk: Karachaevo-Cherkessk State Univ. Press, 2018, p. 272–275. (in Russ.)
- Шульга П. И.** Синьцзян в VIII–III вв. до н. э.: Погребальные комплексы: Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Shulga P. I.** Sin'tszyan v VIII–III vv. do n. e.: Pogrebal'nye komplekсы: Khronologiya i periodizatsiya [Xinjiang in VIII–III centuries BC.: Burial complexes: Chronology and periodization]. Barnaul: AltSTU Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)
- Синьцзян чауху: дасин шизцу муди фацзюэ баогао [新疆察吾呼：大型氏族墓地发掘报告]. Чауху в Синьцзяне – отчет о раскопках больших родовых могильников. Пекин: Дунфан чубаньшэ, 1999. 416 с. (на кит. яз.)
- Xinjiang chawuhu: daxing shizu mudi fajue baogao [新疆察吾呼：大型氏族墓地发掘报告], Xinjiang Chawuhu: large-scale clan cemeteries excavation report, Beijing, Dongfang Press, 1999, 416 p. (in Chin.)
- Хань Цзянье.** Синьцзяндэ цинтун шидай хэ цаотеци шидай вэньхуа [韩建业。新疆的青铜时代和早铁器时代文化]. Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного века. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2007. 128 с. (на кит. яз.)
- Han Jianye.** Xinjiangde qingtong shidai he zaotieqi shidai wenhua [韩建业。新疆的青铜时代和早铁器时代文化], Bronze and Early Iron Ages' Cultures in Xinjiang. Beijing: Wenwu chubanshe, 2007, 128 p. (in Chin.)
- Хань Цзянье.** Гунъюаньянь эрцянъци чжунхоу'е ячжоу чжунбу дицюйдэ юаньди таогуань [韩建业。公元前2千纪中后叶亚洲中部地区的圜底陶罐]. Круглодонная керамическая посуда в Центральной Азии второй половины II тыс. до н. э. // Каогу, 2017. № 9. С. 82–93. (на кит. яз.)
- Han Jianye.** Gongyuanqian erqianji zhonghouye yazhou zhongbu diqude yuandi taoguan [韩建业。公元前2千纪中后叶亚洲中部地区的圜底陶罐], Round-bottom pots of Middle Asia of the second half of 2nd millennium BC. // Kaogu, 2017, no. 9, p. 82–93. (in Chin.)
- Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи.** Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执。新疆莫呼查汗墓地]. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2016. 410 с. (на кит. яз.)
- Zhang Tienan, Alifujiang Niyazi, Tan Ningzhi.** Xinjiang Mohuchahan mudi [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执。新疆莫呼查汗墓地]. Xinjiang Mohuchahan cemetery. Beijing, Kexue chubanshe, 2016, 410 p. (in Chin.)
- Чжан Цюаньчао, Ван Минхуй, Цзинь Хайянь, Чжу Хун.** Синьцзян хэцзинсянь чаухуоукоу сыхао муди чуту жэньгу хуасюэ юаньсудэ ханьян фэньси [张全超、王明辉、金海燕、朱泓。新疆和静县察吾呼沟口四号墓地出土人骨化学元素的含量分析/人类学报]. Анализ содержания химических элементов в человеческих костях из могильника Чауху-4 (уезд Хэцзин, Синьцзян) // Жэньлэй сюэбао. 2005. № 4. С. 328–333. (на кит. яз.)
- Zhang Quanchao, Wang Minghui, Jin Haiyan, Zhu Hong.** Xinjiang Hejingxian Chawuhugoukou sihao mudi chutu rengu huaxue yuansude hanliang fenxi [张全超、王明辉、金海燕、朱泓。新疆和静县察吾呼沟口四号墓地出土人骨化学元素的含量分析], Analysis of Chemical Elements of Human Bone in Bronze Age from Cemetery No. 4 of Chawuhugoukou, Xinjiang // Renlei xuebao [Acta Anthropologica Sinica], 2005, no. 4, p. 328–333 (in Chin.)

- Шао Хуйцю.** Синьцзян субэйси вэньхуа яньцзю [邵会秋。新疆苏贝希文化研究 // 边疆考古研究]. Исследование культуры Субэйси в Синьцзяне // Бяньцзян каогу яньцзю, 2013. Вып. 12. С. 193–220. (на кит. яз.)
Shao Huiqu. Xinjiang subeixi wenhua yanjiu [邵会秋。新疆苏贝希文化研究], Xinjiang Subeixi Culture Research // Bianjiang kaoгу yanjiu, 2013, issue 12, p. 193–220. (in Chin.)
- Шао Хуйцю.** Синьцзян цзагуньлукэ вэньхуа чулунь [邵会秋。新疆扎滚鲁克文化初论]. Предварительное обсуждение материалов культуры Цзагуньлукэ в Синьцзяне // Бяньцзян каогу яньцзю, 2008. Вып. 7. С. 170–182. (на кит. яз.)
Shao Huiqu. Xinjiang Zagunluke wenhua chulun [邵会秋。新疆扎滚鲁克文化初论], Initially discussion on the Zagunluke culture in Xinjiang. // Bianjiang kaoгу yanjiu, 2009, issue 4, p. 78–91. (in Chin.)

*Материал поступил в редколлегию
Received
30.01.2019*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Шульга Петр Иванович, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Petr I. Shulga, senior scientist researcher, Candidate of Science (History), Institute of Archaeology and Ethnography of SD RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

shulgapi55@yandex.ru

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (ул. Нижегородская, 6, Новосибирск, 630102, Россия)

Danil P. Shulga, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management – the branch of RANEPa (6 Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation)

alkaddafa@gmail.com

Хаснулина Карина Артуровна, аспирант, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Красный проспект, 38, Новосибирск, 630099, Россия)

Karina A. Hasnulina, post-graduate student, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (38 Krasnyi Ave., Novosibirsk, 630099, Russian Federation)

searchorient@gmail.com